

Толпыкин Виктор Егорович

кандидат философских наук,
профессор кафедры философии
Кубанского государственного университета
dom-hors@mail.ru

**НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ
И ЕГО АНТИПОДЫ
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА**

Аннотация:

В статье рассматривается проблема научного познания, показаны его альтернативы, каковыми являются религия и мистика. Подчеркивается, что современная наука, разрабатывая научную картину мира и сопоставляя ее с религиозной картиной мира, утверждает непреложность разума, рациональных методов и средств познания. И вместе с тем вопрос о соотношении веры и разума не утратил своей значимости, и диалог науки и религии продолжается.

Ключевые слова:

научный концепт, религия, мистика, вера и разум, сомнамбулизм, трансцендентальность мира.

Tolpykin Victor Egorovich

PhD,
Professor of the Philosophy Department,
Kuban State University
dom-hors@mail.ru

**SCIENTIFIC CONCEPT
AND ITS ANTIPODES
IN THE CONDITIONS OF
THE CONTEMPORARY SOCIETY**

The summary:

The article discusses an issue of scientific cognition and its alternatives, such as religion and mysticism. The author emphasizes that the contemporary science in the process of developing the science-based worldview and comparing it with a religious one, affirms intellect indisputability, rational methods and means of cognition. However, a question of correlation between faith and intelligence is still relevant, and a dialogue between science and religion is going on.

Keywords:

scientific concept, mysticism, faith and intelligence, somnambulism, transcendentality of the world.

В современном социуме анализ научного познания с необходимостью предполагает выяснение его соотношения с религиозным познанием, основной идеей которого является идея Бога и Божественного откровения, а важнейшим символом, посредством которого эта идея реализуется, является символ веры. Вопрос о соотношении веры и знания в равной степени интересует и науку, и религию. В многовековой истории философии складывалось множество самых различных как монистических, так и дуалистических концепций, исследующих соотношение религии и науки, а соответственно религиозной и научной картины мира. Известная формула раннего христианского теолога К.С. Тертуллиана «Верую потому, что абсурдно», выражала не только неоспоримый авторитет религиозной веры перед рациональным знанием, но и их полную, абсолютную несовместимость. Божественная истина, как утверждал Тертуллиан, недоступна концептуальному познанию, ибо только непосредственный акт откровения способен создать такие наиболее благоприятные условия, при которых она может открыться мысленному зрению человека.

В отличие от Тертуллиана, Аврелий Августин, Фома Аквинский и другие христианские философы и богословы провозглашали дуализм веры и разума. Истины разума – это истины низшего порядка, и там, где обнаруживаются границы их обоснования, в свои права вступают истины веры, то есть безграничные в своих возможностях истины высшего порядка. По Аквинскому, вера не противоречит разуму, поскольку и то, и другое устремляются к истине. В случаях же, когда разум вступает в противоречие с откровением, то это лишь свидетельствует о нарушении логических правил доказательного рассуждения. Обращаясь к логике Аристотеля и осмысливая с христианских позиций учение великого античного мыслителя, Аквинат стремился дать философское обоснование христианскому вероучению. С этой целью он разделил догматы веры на рационально пости-

жимые средствами как теологии, так и философии (к таким догматам, в частности, относятся существование Бога, бессмертие души и др.) и рационально непостижимые (догмат сотворения мира из ничего, догмат первородного греха, догмат Святой Троицы). Такие догматы сверхразумны и недоступны разуму, логике человеческой мысли. Дуализм веры и разума постулировал и великий немецкий философ Нового времени И. Кант, утверждавший, что он вынужден был ограничить разум, чтобы расширить границы веры.

Теология, определяемая как рациональное богословие (от греч. *theos* – Бог и *logos* – учение, то есть учение о Боге), достаточно четко разграничивает подлежащую рационализации идею Бога и веру в Бога, которая вне доказательства и логического обоснования. Само доказательство бытия Бога и рациональное обоснование идеи Бога исходит из неоплатонической античной традиции. И, как считал Вольтер, именно «платонизм – отец христианства, иудаизм – его мать. Афины задают требования системности знания, его рациональных оснований и логической прозрачности. Иерусалим сокровенности, потаенности, глубины высказываний». Подобная интерпретация вероучения, по существу, стирает различие между верой и разумом. Они нуждаются друг в друге, дополняют и определяют друг друга в своем сокровенном стремлении к Богу и познании Божественной истины. Однако этот путь оказывается достаточно тернистым, поскольку предполагает не только истину, но и заблуждение, не только торжество рая, но и муки ада. Ибо впадение в ошибку есть такое отступничество от веры, которое чревато ересью, определяемой как великий грех. Второе противоречие, характеризующее дилемму разума (рационального) и веры (иррационального), состоит в несовместимости рационально трактуемого предметного знания о Боге и абсолютной беспредметности, хотя и зримости Бога. Чрезвычайно интересно в этом отношении и высказывание немецкого мыслителя, идеолога Реформации, одного из основателей протестантской религии и церкви Лютера, утверждавшего, что Бог неуловим в абстракциях и постигается лишь событийно (событие восхождения на Голгофу, событие покаяния «смертью смерти» и др.).

К вненаучным формам познания относится также мистическое познание. Мистика (от греч. *Mysticas*, что значит таинственный). Мистические элементы в большей или меньшей степени присущи всем без исключения и мировым, и сектантским религиям. Более того, они лежат в основе всех первобытных политеистических религий, являются их питательной почвой. Вместе с тем мистика имеет и свой собственный, отличный от религии, смысл. Их различие русский религиозный философ Н. Бердяев видит прежде всего в том, что если религия представляет собой экзотерическое знание (направленное вовне, доступное непосвященным), то мистика есть знание эзотерическое. Направленное внутрь, оно выражает самые сокровенные тайны, доступные только посвященным, способным достичь высот мистического экстаза и слиться с Божеством, воплощающим в себе всю полноту и совершенство мира. В противовес объективированности религии, мистика предельно субъективирована, обращена к внутреннему состоянию человеческой души, испытывающей священный трепет перед сокровенными тайнами бытия.

Есть и еще одно важное различие между мистическим и религиозным познанием. Религия, как известно, четко разграничивает естественный и сверхъестественный мир. Мистика же не приемлет подобного разграничения, поскольку всё, в том числе и реальность, растворяясь в Духе, Высшем Божестве, полностью поглощается им.

Мистика не только пронизывает собой религию, но и стремится проникнуть в сферу науки. Речь идет прежде всего об оккультном знании и так называемых оккультных науках (от лат. *occultus* – тайный, сокровенный), направленных на исследование и персонификацию скрытых природных сил, их познание с помощью откровения свыше. Разновидностью оккультизма является парапсихология, объектом исследования которой становятся явления, выхо-

дящие за пределы повседневного жизненного опыта и имеющихся в распоряжении человека средств познания. К таким явлениям, получившим название псифеноменов, относятся ясновидение, телепатия, психокинез и другие сферы вненаучного парапсихологического знания.

Мы видим, что и в историко-эволюционном, и в содержательном плане религия и мистика столь же близки, сколь и чужды друг другу, несопоставимы в своем видении человека, его познавательных возможностей и способностей.

Еще более сложным с точки зрения методологического анализа является соотношение мистики и науки. Традиционным является утверждение о несопоставимости, несоизмеримости науки и мистики, об их жестком, бескомпромиссном противостоянии. «Многим мистика кажется каким-то заколдованным царством, отделенной от науки китайской стеной. Но это заблуждение. К мистике придет неминуемо всякий, кто будет идти по пути строгой логики» [1, с. 436].

Гален, Парацельс, Ван Гельмонт, Паскаль, Нострадамус – таков далеко не полный перечень имен великих, оставивших глубокий след в истории, в чьих произведениях можно обнаружить причудливое переплетение науки и теологии, глубокой рациональности и столь же глубокого мистицизма. Не случайно столь противоречиво отношение и современников, и далеких потомков Нострадамуса, одни из которых воспринимали и воспринимают его как великого ученого и одновременно как ясновидца и пророка, а другие как лживого и никчемного проходимца, пророчества которого пусты и бессмысленны.

Сам же Карл Дю Прель в своей знаменитой «Философии мистики» подчеркивает внутреннюю органическую связь науки и мистики «Исключить мистику из правильного мировоззрения так же трудно, как вывести фокус из эллипса» [1, с. 435].

Мистика, с точки зрения ученого, с одной стороны, вплетена в самую ткань научного исследования, а с другой стороны, она выражает собой новый уровень познания. Ибо естественные науки, дошедшие до исходных понятий об атоме и структуре атомного ядра, исчерпали, по существу, предмет своего исследования. Перед человеком открываются новые горизонты, новые верхушечные ветви феноменологического древа познания. Именно на этом пути, пути органического синтеза науки и мистики, Карл Дю Прель видит реальную возможность удовлетворения высшей духовной потребности человека – уяснить значение мира и самого себя. Он удивительно тонко связывает гелиоцентрическую систему Коперника с тайным учением пифагорейцев и Каббалы, дарвиновскую теорию эволюции с трансцендентализмом И. Канта и мировой волей Шопенгауэра.

Обстоятельно, глубоко, всесторонне исследуя такие явления, как сновидения, сомнамбулизм и другие аномальные состояния человеческой психики, он вводит понятия, которые в равной степени могут рассматриваться как наукой, так и мистикой: «смутное сновидение», «двуликость человека», «трансцендентальный субъект», «скрытая память», «трансцендентальная мера времени». Применяя точные экспериментальные методы психологии, физиологии, и в частности физиологии высшей нервной деятельности, к исследованию мистической реальности, он приходит к выводу о существовании наряду с физическим особым, трансцендентальным миром, лежащим за порогом сознания, но доступным в некоторых своих гранях трансцендентальному субъекту, проявлявшему себя в сомнамбулизме.

Современная наука, разрабатывая научную картину мира и сопоставляя ее с религиозной картиной мира, утверждает безусловную непреложность разума, рациональных методов и средств познания. И вместе с тем не исключает возможности иных концептуальных подходов, само существование которых свидетельствует о том, что проблема соотношения веры и разума отнюдь не утратила своей значимости и диалог науки и религии продолжается.

Ссылки:

1. Дю Прель К. Философия мистики / предисловие автора к русскому изданию. М., 1995.

References (transliterated):

1. Dyu Prel' K. Filosofiya mistiki / predisloviye avtora k russkomu izdaniyu. M., 1995.